

Усеченные прилагательные в поэзии Леонида Мартынова

© А. С. КУЛЕВА

Традиционные усеченные прилагательные рассматриваются как искусственные книжные формы, как одна из “поэтических вольностей”, версификационный прием, позволявший поэту XVIII века использовать неравносложные варианты слова, чтобы «облегчить стихотворную практику и вместе с тем удержать ее в рамках “природного” русского языка» [1]. С конца XVIII века краткие атрибутивные формы вне зависимости от их происхождения стали употребляться в роли приема фольклорной стилизации. Именно такая функция “усечений” и в поэзии XX века становится основной [2]. Например, часты краткие атрибутивные прилагательные в стихах крестьянских поэтов (Клюев, Ширяевец, ранний Есенин). Встречаются они в качестве элемента высокого стиля. Нередки усеченные прилагательные в поэзии Михаила Кузмина: “архангельски гласы” (“Стих о пустыне”, 1903); “Ломает чернь неблагодарна” (“Возвращение дэнди”, 1913). Нередко употребляются усечения (в том числе индивидуально-авторские) в поэзии футуристов – Маяковского, Каменского и особенно Хлебникова: “члены мертвы”, “рассудком нищи” (“Змей поезда. Бегство”, 1910).

Усеченные прилагательные можно определить так: это особого рода краткие прилагательные, которые используются в языке поэзии в атрибутивной функции, как в именительном, так и в некоторых косвенных падежах. К усеченным прилагательным примыкают усеченные формы местоимений, причастий и субстантивированных форм. Кроме того, усечения употребляются в полупредикативной функции.

В поэзии XX века встречаются скорее пережитки усеченных форм, различные по своему происхождению, употреблению и функционированию. Усеченные прилагательные имеют богатую и неоднозначную стилистическую нагрузку, поскольку “устойчивая, традиционная реликтовая форма всегда содержит контекст, является своеобразным знаком” [3].

Говоря о судьбе усеченных прилагательных в поэзии XX века, нельзя не обратить особое внимание на поэзию Леонида Мартынова, про которого было сказано, что это “поэт, определивший облик середины двадцатого века” [4].

В его лирике усеченные формы встречаются в шести стихотворениях, всего 8 примеров (курсив здесь и далее наш. – Н.М.): “Не склевали

лен черны вороны” (“Кружева”, 1932, <1944>); “Труби, норд-ост могуч” (“Эрцинский лес”, 1933, 1945); “В Лукоморье далеком чертог есть чудесен!” (“Замечали – По городу ходит прохожий?..” 1935, 1945); “Но есть за заборами и дома... Заводы и домны *огромны* весьма” (“Страна-холодырь”, 1942); “У меня две руки, У меня кулаки, А у ней под глазами круги *велики*” (“Тоска”, 1945); “Пришьем *драгоценны* заплатки”; “*Злата* шкура на плечах”, “Схоронилася в обдоры дева-идол *золота*” (“Лукоморье”, 1945). Казалось бы, это совсем немного. Но в сопоставлении с творчеством других авторов XX века и такие примеры весьма показательны.

Эти шесть стихотворений были написаны примерно в одно и то же время (в 1930–40-е годы), при этом они объединяются одной сказочно-фантастической темой “Лукоморья”, характерной для лирики Мартынова 1930-х годов, темой русского Севера, истории Сибири:

Поджидали вас, бродяг, дева-идол золотая,
Сторожила берега Мангазеи и Обдорья,
Неприступна и строга, охраняла Лукоморье.
Злата шкура на плечах...

(“Лукоморье”, 1945).

Вернувшись в Омск после вологодской ссылки (1932–1935), Мартынов обращается к жанру поэмы, показывая нам события и людей XVIII (“Тобольский летописец”, “Домотканая Венера”) и XIX веков (“Правдивая история об Увенькае...”). Сам поэт объяснял: “Я ощущал прошлое на вкус, цвет и запах, я чувствовал, что надо выразить все эти ощущения, осознать их творчески и в конце концов таким образом освободиться от них, чтобы вернуться к современности... И тогда я решительно взялся за поэмы” [5].

Особенно интересна поэма “Тобольский летописец”, где можно сопоставить несколько стилистических пластов: авторское повествование, прямую речь персонажей (от губернатора Соймонова и братьев Черепановых, талантливых самоучек, до немца Фрауэндорфа и завсегдаево кабака), летопись, которую пишет тобольский ямщик Илья Черепанов. В ее языке мы находим такие слова и выражения, как: “И был Соймонову указ по Волге-матушке поплыть, *Хвалынско* море изучить”; “Соймонов-де *поносну* речь об Анне слыша, не донес!”; “А на Байкале он воздвиг *Посольску* гавань и маяк”; “Сибири обе слить в одну – Восточну с Западной – решил”; “Дорогу через степь найти, по ней товары повезти, отправить на Восток войска, коль будет надобность *така*”.

Другие примеры видим в речи героев: “На *пограничны* города орда задумала напасть, Нас взять под *басурманску* власть!” (“женка *молода*”); “Я, генерал, хочу бросать сибирску летопись писать!” (Илья Черепанов).

В “Домотканой Венере” персонажи тоже наделены индивидуальными речевыми чертами.

Особенно богата речь героини, от лица которой ведется повествование. В ее словах мы слышим то лирические, то разговорные интонации:

Всё ж запрокинула головушку я ввысь
Так круто, что на снег *боброва* пала шапка.

Можно заметить, как в словах героини проступает авторская речь:

Так мсти же за звезду, оплывшая свеча!
Пусть сизый язычок рванется, трепеща.
Он скачет. Он растет. Пусть ринется на стены!
Пожрет он пусть и вас, *прокляты* гобелены!

Навстречу пламени вей, ветер ледяной!
Ах, небо звездное открылось надо мной.
Незримою тропой из темного урмана
Иду на белый свет – Венера *домоткана!*

Среди морфологических архаизмов (например, форм глагола: инфинитивов *казнити*, *вырвати*; аориста *помре*) самой яркой чертой языка поэм следует назвать усеченные формы. В четырех поэмах мы находим 91 усеченную форму прилагательных, причастий, местоимений, например: “Пошлем тебя туда, на юг, во *туркестански* города” (“Правдивая история об Увенькае...”); «Отвечал инженер: “Нет, заводом стойки Возводимые мною *древесны* постройки!”» (“Рассказ о русском инженере”); “И не *таку тяжелу* кладь перевозили на возу!”; “И *глупы* пьют, и *мудры* пьют!” (“Тобольский летописец”); “Казалось, что стучится в наши терема *Татарска* бабушка, сама падера вьюга. *Несуца* вьюжный вьюк, что стужей стянут туго; А рядом с ним предмет таинственный и страшный, Напоминающий *огромна* паука”; “*Каку-то* красну блошку”; “*Каки-то* господа” (“Домотканая Венера”).

Обращение к событиям XVIII века определило использование Мартьяновым одной из самых характерных черт поэзии того времени – усеченных прилагательных. Поэт образует подчеркнуто искусственные усеченные формы, например формы относительных прилагательных: “*древесны* постройки”; “принцессы *ангальт-цербтски*”; “*бульварны* фарсы”; “*деревянны* ножки”; “*Иртышски* волны”, действительных причастий: *несуца*.

В языке исторических поэм усечения не просто встречаются чаще, чем в лирике, различается и состав форм. Если в лирике мы видим наиболее нейтральную и обычную для поэзии XX века форму им. пад. мн. ч.: “Пришьем *драгоценны* заплатки” или частую, как фольклорный эпитет форму им. пад. ед. ч.: “Схоронила в обдору дева-идол *золота*”

(“Лукоморье”, 1945), то в поэмах мы находим формы среднего рода, вин. пад. жен. рода и даже наиболее выразительную в стилистическом отношении форму род. падежа муж.–ср. рода: “*Магическа жезла в руках нет никакого*” (“Домотканая Венера”). Из возможного для поэзии XX века набора усеченных форм отсутствует только самая редкая и стилистически окрашенная форма дат. падежа муж.–ср. рода ед. ч.

Связь полупредикативных определений с усечениями можно заметить в том, что среди них нередки такие, которые почти не встречаются как краткие прилагательные. Например: *багрян, желт, розовы, багрово, глянцеv, щербата*; формы страдательных причастий: *сопровождает, сопутствуем, преисполнена* и даже *снежна; одна-единственна*.

С помощью этих форм создается возвышенный стиль, характерный для поэзии Мартынова.

Лишь ты, моя счастливая звезда,
Одна-единственна, плывешь, блистая.

(“Вечерняя звезда”, 1970).

Интересно, что подобные искусственные авторские образования проявляются в поэзии Мартынова и в собственно предикативной функции: “Но ведь и эти водолазы Не одинаковы, а *разны*” (“Сирены”, 1924); “Вот они, эти струны, Будто *медны* и будто *чугунны*” (“Что-то новое в мире...”, 1948, 1954); “И других заядлых католичек, Губы сжаты, а глаза *стеклянны*” (“Знаешь, почему мне удаются...”, 1962); “Житейский путь мой *каменист* и *торен*” (“Проблема перевода”, 1962); “И как бы ни *межзвездны* наши судьбы...” (“Земные блага”, 1968); “Ветер северный *южен*” (“Ветер с юга на север...”, 1971); “Он Был мокр, *блестящ*” (“Плащ”, 1973).

В приведенных здесь примерах краткая форма образована от относительных прилагательных (например, *медны, южен*) и действительных причастий (*блестящ*). Это позволяет рассматривать такие слова как авторские образования. Во многих случаях именно прилагательные несут основную стилистическую нагрузку: “Есть *более молоды, стройны, высоки* Деревья!” (“Деревья”, 1934); “Коль станете, швед, вы мне искренне *дружен*, То будет подарок богатый *заслужен*” (“Пленный швед”, 1936).

Особого внимания заслуживает и то, что во многих текстах мы видим различные переходные случаи употребления прилагательных, например: “Над пустынями полыма плыло *багрово*” (“Рассказ о русском инженере”, 1936); “Не прекращается метель. Ночь надвигается *снежна*” (“Тобольский летописец”, 1937); “Но за спиной несет оно пестерь Не *пуст*, а *полон* найденных потерь” (“Секрет пустот”, 1973); “*Лиха* беда! Поплачет – перестанет” (“Утешитель”, 1935).

Нередко полупредикативные и предикативные формы отличает сохранение ударения на основе, как в полной форме. Отличие усеченных форм от кратких по месту ударения отмечали А.Х. Востоков, С.П. Обнорский, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов [6]. В стихах Мартынова можно найти такие примеры: “И *глупы* пьют, и *мудры* пьют!” (“Тобольский летописец”, 1937); “Король писателей – Антон Сорокин... И были pomysлы его *высоки*” (“Король”, 1971); “Я гляжу как будто С высоченных гор, чьи утесы *круты*” (“С некоторых пор”, 1973) – место ударения определяется по рифме.

Эти примеры доказывают связь богатого и разнообразного употребления прилагательных в поэзии Леонида Мартынова с литературной традицией усечений.

Сам факт использования усеченных прилагательных в поэзии XX века, особенно в творчестве таких признанных мастеров, как Леонид Мартынов, позволяет пересмотреть традиционное представление об усечениях как о версификационном элементе, вызванном к жизни “не-совершенством поэзии” XVIII века и закономерно исчезнувшем в дальнейшем. Значительный интерес представляет стилистическая окраска этих форм, коренящаяся в их связи с традицией.

Литература

1. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 127, 347.
2. Краткая русская грамматика. М., 2002. С. 256.
3. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000. С. 199.
4. Дементьев В. Поэзия Леонида Мартынова // Мартынов Л. Стихотворения и поэмы. Л., 1986. С. 36, 18, 20.
5. Мартынов Л. Мой путь // Мартынов Л. Стихотворения. М., 1961. С. 10, 21, 20.
6. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. С. 216–217.